СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIV, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗА 1892 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Л. Н. Майковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, декабрь 1892 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1892 годъ.

Составленъ ординарнымъ академикомъ Л. Н. Майковымъ и читанъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1892 г.

I.

Въ истекающемъ году важнѣйшимъ явленіемъ въ дѣятельности второго отдѣленія Академіи были работы по Словарю русскаго языка. Какъ уже было объясняемо въ отчетахъ за предшествующіе годы, эти работы производятся совокупными усиліями членовъ Отдѣленія, при участіи многихъ постороннихъ сотрудниковъ, но все же главная тяжесть труда падаетъ на нашего предсѣдательствующаго Я. К. Грота, который подготовляетъ матеріалы для Словаря и, послѣ разсмотрѣнія ихъ другими членами и посторонними сотрудниками, даетъ имъ окончательную обработку. Ближайшее участіе почтеннаго вице-президента Академіи въ этомъ дѣлѣ сообщаетъ Словарю единство, которое столь необходимо въ изданіяхъ подобнаго рода. Первый выпускъ Словаря, появившійся въ свѣтъ годъ тому назадъ, вызвалъ оживленные толки въ печати. Изъ высказанныхъ сужденій Отдѣленіе могло заключить, что его предпріятіе идетъ на встрѣчу потребности, давно сознанной русскимъ обществомъ. Одинъ изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ привѣтствовалъ появленіе перваго вы-

пуска обширною критическою статьей, которую заключаетъ пожеланіемъ, чтобъ Отдѣленіе не замедлило довершить начатый имъ трудъ. Таково, разумѣется, желаніе и самого Отдѣленія: въ подтвержденіе нашихъ словъ мы можемъ заявить, что въ настоящее время печатаніе второго выпуска Словаря приведено къ концу.

Отдѣленіе съ истинною признательностью приняло замѣчанія, высказанныя по поводу перваго выпуска Словаря. Многими изъ тѣхъ указаній, которыя касаются частностей или подробностей, оно воспользуется въ видѣ дополненій или поправокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Отдѣленіе не могло не замѣтить, что къ издаваемому имъ Словарю предъявляются требованія гораздо болѣе широкія, чѣмъ тотъ планъ, который оно себѣ опредѣлило, соображаясь со своими силами и средствами. Планъ Словаря изложенъ въ предисловіи къ первому выпуску, и повторять его здѣсь было бы излишне. Издаваемый Словарь не есть трудъ совершенно новый; это — лишь переработка Словаря, изданнаго Отдѣленіемъ въ 1847 году. Какъ тогда, такъ и теперь, это — словарь современнаго русскаго языка литературнаго и дѣлового, обнимающій періодъ нашей рѣчи со временъ Ломоносова. Какъ въ 1847 году, такъ и въ настоящее время, Словарь не преслѣдуетъ спеціальныхъ цѣлей этимологическихъ или историческихъ, не заключаетъ въ себѣ матеріала русскаго языка во всѣхъ его областныхъ особенностяхъ и видоизмѣненіяхъ, не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ опредѣленій научной терминологіи.

Корнесловіе устранено изъ Словаря по очень простой причинѣ: этимологическіе вопросы еще не достаточно разработаны наукой, еще подлежатъ многимъ изслѣдованіямъ, а потому указаніе корней словъ или расположеніе послѣднихъ по гнѣздамъ, какъ то было сдѣлано въ словарѣ Даля, не могло бы быть проведено въ нашемъ Словарѣ съ необходимою научною строгостью. Какъ бы ни было велико значеніе церковно-славянской основы для развитія русскаго литературнаго языка, не подлежитъ однако сомнѣнію, что соединеніе словъ двухъ языковъ въ одномъ словарѣ,

допущенное нашими предшественниками въ изданіи 1847 года, не оправдывается ни требованіями науки, ни нуждами практическаго употребленія. Поэтому, при настоящей переработкѣ Словаря, изъ него исключены славянскія слова, вышедшія изъ употребленія. Къ тому же, нынѣ имѣются особые словари древняго славянскаго языка, составленные Востоковымъ и Миклошичемъ, и сверхъ того, само Отдѣленіе печатаетъ теперь цѣнный посмертный трудъ покойнаго академика Срезневскаго — Матеріалы для словаря древне-русскаго языка.

На издаваемый Словарь не слѣдуетъ также смотрѣть какъ на историческій, хотя бы только для новаго періода русской литературы. По самому плану своему Словарь не предназначенъ представлять исторію словъ русскаго языка въ ихъ постепенномъ видоизмѣненіи; онъ даетъ слова не въ ихъ древней формѣ и не съ областными отличіями, а лишь въ формѣ современной, и опредѣляетъ ихъ значеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно установлено общимъ употребленіемъ за послѣдніе полтора вѣка.

Еще менѣе правильно предполагать, что издаваемый Словарь можетъ служить замѣной энциклопедическаго лексикона для опредѣленія научныхъ терминовъ. При современномъ развитіи и раздробленіи знаній научная терминологія разрастается чрезвычайно быстро. Въ русской наукѣ весьма значительная часть терминовъ заимствована изъ чужихъ языковъ — даже съ излишкомъ, то-есть, и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было бы приспособить коренное русское слово въ смыслѣ извѣстнаго термина; притомъ, заимствованные термины далеко не всегда приноровляются къ свойствамъ русскаго языка. Вслѣдствіе того, русская научная терминологія отличается большою пестротой и неустойчивостью, и многіе отдѣлы ея стоятъ какъ бы внѣ связи съ естественною жизнью нашего языка. При такихъ условіяхъ представляется чрезвычайно труднымъ, да можетъ быть, нѣтъ и необходимости стремиться въ Словарѣ къ совершенной полнотѣ въ подборѣ терминологическихъ выраженій, тѣмъ болѣе, что для сихъ послѣднихъ существуютъ нынѣ спеціальные словари. Что же касается точ-

ности въ опредѣленіи научныхъ терминовъ, то ошибки Словаря въ этомъ отношеніи, конечно, возможны, но объясняются онѣ какъ чрезвычайною трудностью такихъ опредѣленій, которыя въ данномъ случаѣ должны быть кратки и сжаты, такъ и возможностью разногласія въ ихъ лучшей редакціи со стороны спеціалистовъ.

Вообще Отдѣленіе полагаетъ, что, ставя себѣ скромную цѣль — дать словарь современнаго русскаго языка, на сколько послѣдній закрѣпленъ общимъ употребленіемъ въ памятникахъ нашей литературы со временъ Ломоносова, оно дѣлаетъ дѣло полезное для нашей образованности.

Второй выпускъ Словаря, нынѣ вышедшій въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ слова до буквы *Д*. Къ числу постороннихъ Отдѣленію лицъ, принимающихъ участіе въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ Словаря, присоединилось, въ теченіе 1892 года, еще нѣсколько новыхъ сотрудниковъ, а именно: профессоръ Лѣсного института П. Н. Вереха, содержатель частной гимназіи въ Москвѣ Л. И. Поливановъ, профессоръ Амстердамскаго университета К. Уленбекъ (Uhlenbeck), композиторъ П. И. Чайковскій и помощникъ хранителя зоологическаго музея при нашей Академіи П. П. Шалфеевъ. Отдѣленіе считаетъ долгомъ выразить имъ, какъ и прежнимъ сотрудникамъ, свою искреннюю признательность за ихъ благосклонное содѣйствіе.

Выше былъ упомянутъ другой лексикологическій трудъ, печатаемый нынѣ Отдѣленіемъ — собранные покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ». Изданные два выпуска уже открыли возможность оцѣнить важное научное значеніе этого замѣчательнаго труда нашего знаменитаго слависта; оно будетъ еще болѣе возрастать по мѣрѣ того, какъ изданіе станетъ близиться къ концу. Третій выпускъ Матеріаловъ долженъ быть доведенъ до буквы *Л;* по примѣру первыхъ двухъ, онъ печатается подъ наблюденіемъ академика А. Ѳ. Бычкова и появится въ свѣтъ въ началѣ наступающаго года.

II.

На ряду съ лексикологическими трудами, Отдѣленіе занимается въ настоящее время изданіемъ произведеній классическихъ русскихъ писателей.

Годъ тому назадъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненій Ломоносова, издаваемыхъ подъ наблюденіемъ академика М. И. Сухомлинова. Нынѣ приводится къ окончанію печатаніе второго тома, который и появится въ началѣ наступающаго года. Въ обоихъ этихъ томахъ помѣщены стихотворныя произведенія отца новой русской литературы; съ нихъ, очевидно, и слѣдовало начать изданіе, такъ какъ именно ими положено начало общерусской славѣ Ломоносова. Въ предпринятомъ изданіи строжайшимъ образомъ выдержанъ подлинный текстъ автора, подвергшійся многимъ искаженіямъ въ позднѣйшихъ перепечаткахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ указаны и всѣ послѣдовательныя измѣненія, которыя Ломоносовъ дѣлалъ въ своихъ стихахъ. Особенною заботой издателя было снабдить произведенія Ломоносова подробнымъ коментаріемъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, объяснительныя статьи составляютъ около половины книги. Для обработки ихъ потребовались со стороны М. И. Сухомлинова обширныя и разнообразныя разысканія; за то въ результатѣ ихъ получились объясненія, проливающія обильный свѣтъ какъ на исторію литературной дѣятельности Ломоносова, такъ и на общественныя условія той среды, въ которой ему суждено было трудиться.

Исполнившееся 1-го декабря истекающаго года столѣтіе со дня кончины Фонвизина подало академику Н. С. Тихонравову поводъ приготовить матеріалы для полнаго критическаго изданія сочиненій и переводовъ знаменитаго сатирика. Печатаніе этого сборника г. Тихонравовъ предложилъ Отдѣленію, которое и выразило на то свое полное согласіе. Въ составъ этого изданія

войдутъ: во-первыхъ, драматическія произведенія Фонвизина, издававшіяся до сихъ поръ съ искаженіемъ текста, именно: трагедія «Альзира» и комедія «Коріонъ», или печатаемыя обыкновенно только въ позднѣйшемъ, тоже искаженномъ видѣ; такъ, изданъ будетъ первоначальный сценическій текстъ «Бригадира» по рукописи, принадлежащей г. Тихонравову, а «Недоросль» будетъ напечатанъ по первому изданію этой комедіи, нынѣ весьма рѣдкому; во-вторыхъ, сочиненія и переводы Фонвизина, вовсе не бывшіе въ печати или не включенные ни въ одно изданіе его произведеній; наконецъ, въ-третьихъ, сочиненія, приписываемыя Фонвизину. Къ издаваемымъ текстамъ предполагается присоединить: варіанты и описаніе употребленныхъ при изданіи рукописей, а при переводахъ сравненіе отдѣльныхъ мѣстъ фонвизинскаго текста съ подлинниками. Сверхъ того, въ сборникѣ найдетъ себѣ мѣсто особое изслѣдованіе академика Тихонравова о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Фонвизина. Къ печатанію этого сборника уже приступлено.

Третій писатель, изданіе сочиненій котораго поставлено Отдѣленіемъ на очередь, есть Пушкинъ. Отдѣленіе полагаетъ, что въ настоящее время, когда протекло болѣе полувѣка со смерти великаго поэта, когда такимъ образомъ ходъ времени самъ собою устранилъ препятствія къ печатанію всѣхъ его произведеній, и когда является возможность объяснить много изъ его жизни, что̀ не подлежало оглашенію, пока были живы его современники, — наступаетъ пора для тщательнаго историческаго изученія Пушкина и для приготовленія критическаго изданія его сочиненій. Конечно, предполагаемое академическое изданіе не можетъ исчерпать всѣ задачи, связанныя съ изученіемъ Пушкина: онѣ еще будутъ развиваться съ теченіемъ времени, и не одно поколѣніе русскихъ писателей будетъ продолжать этотъ трудъ, начатый еще при жизни поэта; но Отдѣленіе желаетъ положить прочную основу для дальнѣйшихъ изысканій и собрать для нихъ возможно большее количество критически провѣреннаго матеріала.

Прежде всего, особою заботой предпринимаемаго изданія должно быть установленіе правильнаго текста произведеній Пушкина. Еще самъ онъ жаловался, что стихи его печатались иногда небрежно, съ невѣрныхъ списковъ, въ редакціи, имъ отвергнутой. Послѣ его кончины, такъ-называемое «посмертное» изданіе (въ 11 томахъ) продолжало эти искаженія: многое, заимствованное изъ рукописей поэта, оно напечатало съ пропусками или съ измѣненіями, сдѣланными чужою рукой; а многое, уже бывшее въ печати, но разсѣянное по журналамъ, вовсе не включило въ свой составъ. Послѣдующіе издатели старались исправить этотъ недостатокъ, но дѣлали это неопытною рукой или при скудныхъ пособіяхъ; бывало и такъ, что, руководимые усердіемъ болѣе, чѣмъ осторожностью, они позволяли себѣ измѣнять или дополнять пушкинскій текстъ на основаніи ненадежныхъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ рукописи Пушкина, хранившіяся у его наслѣдниковъ въ большомъ количествѣ, поступили въ Московскій публичный музей и стали общественнымъ достояніемъ, открылась возможность провѣрить многое въ изданныхъ текстахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прослѣдить разные фазисы въ дѣятельности пушкинскаго творчества. Рукописи Пушкина свидѣтельствуютъ, что, не смотря на краткость его жизни, его писательскій трудъ былъ огроменъ, и сверхъ того, очень тщателенъ и сложенъ. Нерѣдко созданіе различныхъ произведеній шло у него одновременно, и притомъ каждое произведеніе неразъ передѣлывалось и подвергалось внимательной обработкѣ. Къ піесѣ, давно задуманной, Пушкинъ возвращался много лѣтъ спустя, такъ-сказать, переливалъ ее въ новую форму, и лишь послѣ такого заботливаго труда она принимала то легкое и свободное развитіе, которое кажется намъ проявленіемъ внезапнаго вдохновенія. Случайныя замѣтки, разбросанныя по рукописямъ Пушкина, нерѣдко указываютъ первоначальные мотивы его творчества; выписки изъ книгъ даютъ понятіе объ объемѣ и характерѣ его чтенія; наконецъ, разсѣянныя по тетрадямъ числовыя помѣты помогаютъ опредѣлить хронологію его произведеній. Обстоятельное описаніе пушкин-

скихъ рукописей Московскаго музея, сдѣланное В. Е. Якушкинымъ, можетъ служить полезнымъ пособіемъ для новѣйшихъ издателей Пушкина; но они мало имъ воспользовались; для изданія же критическаго, строго научнаго необходимо непосредственное и наглядное изученіе этихъ рукописей, а равно и другихъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и у частныхъ лицъ. Только этимъ путемъ, и сверхъ того, сличеніемъ различныхъ изданій произведеній Пушкина, вышедшихъ при его жизни, можно установить правильный текстъ Пушкина, при чемъ сопоставленіе варіантовъ, извлеченныхъ изъ вышепоименованныхъ источниковъ, покажетъ и весь ходъ его литературнаго труда.

Въ предпринимаемомъ изданіи всѣ произведенія Пушкина, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, будутъ напечатаны въ томъ именно видѣ, въ какомъ они появились въ печати подъ его собственнымъ надзоромъ, притомъ въ послѣдній разъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть допущено только для тѣхъ случаевъ, когда достовѣрно извѣстно, что подлинный пушкинскій текстъ подвергся въ свое время измѣненіямъ со стороны цензуры. Примѣчанія къ тексту должны содержать въ себѣ изложеніе тѣхъ измѣненій, которыя Пушкинъ дѣлалъ во время самого писанія, либо при перепечаткахъ. При печатаніи тѣхъ произведеній Пушкина, которыя были изданы уже послѣ его смерти, слѣдуетъ точно держаться его рукописей, а въ примѣчаніяхъ указывать относящіеся къ нимъ рукописные варіанты.

Кромѣ произведеній Пушкина вполнѣ законченныхъ, въ рукописяхъ его нашлось множество набросковъ, оставшихся безъ обработки — по той или другой причинѣ. Если въ великомъ художникѣ мы цѣнимъ и строгаго судью надъ самимъ собою (а таковъ именно былъ Пушкинъ), то не имѣемъ права ставить эти наброски въ одинъ рядъ съ произведеніями, которыя онъ считалъ окончательно отдѣланными. Поэтому наброски Пушкина, не получившіе полной обработки, должны составить въ собраніи его сочиненій особый отдѣлъ, какъ бы дополнительный къ тѣмъ его

произведеніямъ, которыя выдержали весь искусъ его художественнаго труда.

Въ общемъ распорядкѣ изданія принята будетъ, конечно, система хронологическая, но притомъ, разумѣется, стихи должны быть отдѣлены отъ прозы, а въ стихотворныхъ произведеніяхъ лирика будетъ отдѣлена отъ поэмъ и произведеній драматическихъ. Точно также, въ отдѣлѣ прозы повѣсти займутъ мѣсто въ особомъ ряду, а сочиненія историческія, журнальныя статьи и замѣтки разнороднаго содержанія составятъ отдѣльныя группы. Наконецъ, особое мѣсто слѣдуетъ отвести отрывкамъ изъ записокъ и дневниковъ Пушкина и собранію его писемъ.

Необходимою частью критическаго изданія сочиненій Пушкина являются объяснительныя примѣчанія къ его тексту. Содержаніе ихъ должно быть литературное и историческое, то-есть, въ примѣчаніяхъ слѣдуетъ дать, во-первыхъ, указаніе на взаимныя соотношенія между различными произведеніями Пушкина и на отношеніе послѣднихъ къ обстоятельствамъ его жизни и къ сочиненіямъ другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ; во-вторыхъ, въ примѣчаніяхъ слѣдуетъ помѣстить объясненіе тѣхъ многочисленныхъ намековъ историческихъ и бытовыхъ, которые встрѣчаются у Пушкина.

Въ составъ приложеній къ академическому изданію Пушкина должны войти: 1) его подробная біографія; 2) библіографія его сочиненій, и 3) обзоръ всего, что о немъ было писано. Пушкинъ составляетъ столь центральное явленіе въ русской литературѣ, что обозрѣніе сужденій, высказанныхъ въ разное время объ его произведеніяхъ, можетъ представить полезные матеріалы для исторіи русской критики.

Въ настоящее время еще не приступлено къ печатанію этого изданія, но постоянно ведутся приготовительныя къ нему работы, требующія труда внимательнаго и осторожнаго. Нѣкоторые отдѣлы пушкинскаго текста уже готовы впрочемъ къ печати и могутъ поступить въ нее въ теченіе 1893 года.

Сообщая о своемъ новомъ предпріятіи, Отдѣленіе считаетъ

себя счастливымъ, что можетъ заявить и о томъ живомъ сочувствіи, какое оказано ему съ разныхъ сторонъ по сему случаю. Начальство Московскаго публичнаго музея препроводило хранящіяся тамъ рукописи Пушкина въ Петербургъ. Кромѣ того, Отдѣленіе, зная, что многіе автографы Пушкина, письма его и матеріалы для его біографіи находятся въ частныхъ рукахъ, пригласило обладателей ихъ сообщить эти документы, хотя бы и существующіе въ печати, для пользованія при предпринимаемомъ изданіи. На приглашеніе Отдѣленія любезно отозвались: Г. А. и П. П. Анненковы, П. Д. Ахлестышевъ, П. И. Бартеневъ, С. Н. Батюшкова, В. А. Бильбасовъ, А. Ѳ. Бычковъ, князь П. П. Вяземскій, Я. К. Гротъ, П. Я. Дашковъ, графъ П. И. Капнистъ, А. А. Катенинъ, покойный М. И. Семевскій, А. И. Станкевичъ, графъ С. Д. Шереметевъ и В. Е. Якушкинъ. Принадлежащіе имъ документы большею частью уже находятся въ рукахъ завѣдующаго изданіемъ и имъ разсмотрѣны, а отъ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ лицъ еще ожидаются. Отдѣленіе надѣется, что, подобно названнымъ лицамъ, и другіе обладатели какихъ-либо матеріаловъ для предположеннаго изданія не откажутъ въ своемъ содѣйствіи предпріятію, которое заслуживаетъ сочувствія всѣхъ русскихъ людей.

Кромѣ поименованныхъ трудовъ, предпринятыхъ или уже издаваемыхъ Отдѣленіемъ, слѣдуетъ упомянуть объ отдѣльныхъ ученыхъ работахъ нѣкоторыхъ его членовъ, которыя относятся къ истекающему году.

Академикъ А. Н. Веселовскій, занимавшійся въ послѣдніе годы обширнымъ сочиненіемъ о Боккачіо, привелъ нынѣ свой трудъ къ окончанію и вполнѣ приготовилъ его къ печати.

Академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ свои работы по печатанію составляемаго имъ сборника грамматическихъ сочиненій и статей XV, XVI и XVII вѣковъ, относящихся къ церковно-славянскому языку въ связи съ греческимъ и латинскимъ. Сверхъ того, академикъ Ягичъ доставилъ для помѣщенія въ Сборникѣ

Отдѣленія свой новый трудъ подъ заглавіемъ: «Новонайденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа, первоучителя славянъ, св. Кирилла».

Наконецъ, академикъ Н. С. Тихонравовъ, сверхъ работъ по изготовленію Фонвизинскаго сборника, напечаталъ: «Древнія житія преподобнаго Сергія Радонежскаго». Книга эта состоитъ изъ собранія древнихъ текстовъ и небольшого изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «Историко-литературный обзоръ древнихъ житій преподобнаго Сергія». Собраніе текстовъ заключаетъ въ себѣ два отдѣла; въ составъ перваго изъ нихъ вошли: 1) древнѣйшая Епифаніевская редакція житія препод. Сергія, доселѣ не изданная; 2) вторая Епифаніевская редакція того же житія, которая до сихъ поръ ускользала отъ вниманія всѣхъ изслѣдователей и нигдѣ не упомянута; во второй отдѣлъ вошли: 1) первая Пахоміевская редакція житія препод. Сергія по древнѣйшему списку; 2) главы изъ житія препод. Сергія, измѣненныя во второй Пахоміевской редакціи и къ оной прибавленныя; 3) особые тексты нѣкоторыхъ главъ, вошедшихъ какъ въ первую, такъ и во вторую Пахоміевскія редакціи; 4) чудеса, приписанныя въ нѣкоторыхъ рукописяхъ къ Пахоміевской редакціи житія; 5) похвальное слово препод. Сергію, написанное Епифаніемъ, по древнѣйшему списку XV вѣка; 6) другое похвальное слово препод. Сергію, неизвѣстное даже по каталогамъ; 7) новыя чудеса препод. Сергія. Такъ какъ значительная часть этихъ текстовъ напечатана по рукописямъ мало изслѣдованнымъ или вовсе не изслѣдованнымъ, то г. Тихонравовъ счелъ необходимымъ приложить къ сборнику: 1) подробное описаніе рукописей и 2) нѣсколько снимковъ.

III.

Въ заключеніе настоящаго отчета слѣдуетъ сказать объ утратахъ, понесенныхъ Отдѣленіемъ въ 1892 году.

14-го ноября скончался въ Петербургѣ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ литераторовъ, членъ-корреспондентъ Отдѣленія

Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ, на 86-мъ году своей жизни. Питомецъ Московскаго университета, онъ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ трудился на педагогическомъ поприщѣ и почти столько же на литературномъ. Хотя онъ и получилъ образованіе на физико-математическомъ факультетѣ, но былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности, литературнымъ критикомъ, составителемъ нѣсколькихъ русскихъ хрестоматій, до сихъ поръ употребляемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и авторомъ двухъ учебниковъ исторіи русской словесности. Умный и образованный человѣкъ, основательно изучившій русскую литературу двухъ послѣднихъ столѣтій, онъ пріобрѣлъ себѣ право на избраніе въ наши члены-корреспонденты своими историко-литературными трудами. Начало ихъ восходитъ къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ, когда появлявшіеся въ то время томики Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ подали Галахову поводъ написать рядъ критическихъ статей о писателяхъ Екатерининскаго времени и первой четверти текущаго столѣтія. Въ 1863 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ составленнаго имъ обширнаго учебника исторіи русской словесности, а въ 1875 году появился второй томъ этого сочиненія. По объему своему оно далеко выходитъ за предѣлы учебника, а по самостоятельности разработки нѣкоторыхъ отдѣловъ можетъ быть поставлено въ разрядъ ученыхъ сочиненій.

Первая половина перваго тома посвящена обозрѣнію нашей древней литературы, а вторая — словесности XVIII вѣка; томъ второй весь состоитъ изъ исторіи русской литературы XIX вѣка до Пушкина. Видимый у Галахова недостатокъ равновѣсія въ изложеніи двухъ литературныхъ періодовъ объясняется изъ историческихъ воззрѣній автора и изъ зависѣвшаго отъ нихъ круга его свѣдѣній. Когда, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, среди московскаго общества стали выясняться два направленія во взглядѣ на ходъ русской образованности, Галаховъ, жившій въ ту пору въ Москвѣ, примкнулъ къ партіи такъ-называемыхъ западниковъ, которые въ до-петровскомъ періодѣ русской жизни не

видѣли никакого развитія и не признавали литературы того времени достойною изученія. Это воззрѣніе отразилось и на сочиненіи Галахова: въ изложеніи древняго періода русской словесности онъ обнаружилъ непониманіе тогдашнихъ литературныхъ явленій и даже недостатокъ свѣдѣній, которыя могъ бы пріобрѣсти изъ чужихъ трудовъ. За то обозрѣніе новой русской литературы, особенно за время Екатерины II и Александра I, обработано Галаховымъ съ несомнѣнною любовью и знаніемъ дѣла. Здѣсь Галаховъ былъ въ своей сферѣ и могъ опираться между прочимъ на свои собственныя изысканія обширныя и очень тщательныя. Историческому труду Галахова о новой русской литературѣ предшествовали критическіе этюды о писателяхъ второй половины XVIII вѣка и первой четверти XIX, написанные Бѣлинскимъ. Бѣлинскій въ своихъ сужденіяхъ о литературныхъ дѣятеляхъ того времени пытался соединить критику историческую съ эстетическою, но хотя онъ нерѣдко настаивалъ на необходимости исторической точки зрѣнія, однако чаще оставался при воззрѣніяхъ чисто литературныхъ. Иначе поступаетъ Галаховъ: сходясь большею частью съ Бѣлинскимъ въ эстетической оцѣнкѣ писателей псевдоклассическаго періода, онъ старается прочнѣе утвердить ее на исторической основѣ; онъ глубже Бѣлинскаго вникаетъ въ факты и обстоятельства времени, внимательнѣе слѣдитъ за хронологіей литературныхъ явленій, обстоятельнѣе сообщаетъ библіографическія данныя, точнѣе указываетъ источники подражаній и заимствованій и обращаетъ вниманіе на зависимость литературныхъ произведеній отъ господствовавшихъ въ извѣстное время литературныхъ теорій. Свѣдѣнія Галахова почерпнуты здѣсь не изъ вторыхъ рукъ, а изъ прямыхъ источниковъ, изъ основательнаго изученія самихъ авторовъ, дѣятельность которыхъ ему приходится описывать. Оттого, при изложеніи литературы Екатерининскаго и Александровскаго періодовъ, онъ могъ высказать много новаго и выяснить цѣлый рядъ явленій, остававшихся до него малоизвѣстными или даже вовсе ускользавшихъ отъ вниманія изслѣдователей. Особенно удачными

можно признать у Галахова параграфы, посвященные Карамзину, спору карамзинистовъ со сторонниками Шишкова, патріотической публицистикѣ и мистической литературѣ при Александрѣ I. Во всѣхъ этихъ очеркахъ ясность и опредѣленность сужденій — коренныя свойства ума Галахова — проявляются самымъ счастливымъ образомъ, и благодаря имъ, оцѣнка литературныхъ явленій сдѣлана безъ всякой односторонности, съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ. Конечно, и въ тѣхъ частяхъ «Исторіи русской словесности», которыя посвящены временамъ Екатерины и Александра, найдутся пробѣлы и недомолвки, но ничто существенное не упущено авторомъ безъ вниманія, не оставлено безъ разсмотрѣнія или по крайней мѣрѣ не отмѣчено хотя бы намекомъ. Поэтому написанный Галаховымъ обзоръ литературы за время Екатерины и Александра былъ въ свое время существеннымъ вкладомъ въ науку и до сихъ поръ нисколько не утратилъ своей высокой цѣнности. Эти-то части «Исторіи» и дали возможность Академіи Наукъ присудить Галахову одну изъ Уваровскихъ премій въ 1876 году.

Если Галахову не удалось довести свою большую «Исторію русской словесности» до конца, за то послѣдніе годы онъ посвящалъ обработкѣ своихъ давно начатыхъ воспоминаній. Ему было о чемъ вспоминать: онъ жилъ долго, видѣлъ много, зналъ многихъ замѣчательныхъ людей своего времени и умѣлъ наблюдать. Судя по напечатаннымъ отрывкамъ, его воспоминанія послужатъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи нашего общества и литературы почти за все текущее столѣтіе. Полное изданіе ихъ очень желательно и достойнымъ образомъ завершитъ собою многочисленные труды этого почтеннаго литературнаго дѣятеля.

Черезъ нѣсколько дней по смерти А. Д. Галахова, 21-го ноября, скончался въ Москвѣ, послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій, другой членъ-корреспондентъ Отдѣленія — Аѳанасій Аѳанасіевичъ Шеншинъ, столь извѣстный въ нашей литературѣ подъ именемъ Фета.

Это былъ одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ поэтическихъ талантовъ въ литературномъ поколѣніи, слѣдовавшемъ непосредственно за Пушкинымъ. Въ чрезвычайной оригинальности его дарованія заключается причина, почему о немъ судили такъ различно. Дѣйствительно, у него были и горячіе поклонники, и жесткіе порицатели. Осуждали его за тотъ кругъ поэтическаго содержанія, который онъ намѣтилъ себѣ въ удѣлъ, и въ которомъ неизмѣнно вращалось его дарованіе; его упрекали за равнодушіе къ интересамъ минуты, къ современнымъ общественнымъ вопросамъ, къ злобѣ дня; его осмѣивали и писали на него пародіи. Но, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ литературныхъ цѣнителей Фета, — изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ послѣпушкинскаго періода онъ былъ самымъ полнымъ воплощеніемъ той свободы творчества, той независимости отъ преходящихъ условій мѣста и времени, о которой неоднократно говорилъ Пушкинъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ коренныхъ свойствъ художника и въ то же время какъ о драгоцѣнномъ правѣ каждаго носителя истинной поэзіи:

Ты — царь. Живи одинъ, дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ...

И Фетъ страстно дорожилъ этою поэтическою свободой, горячо и твердо отстаивалъ свое право на нее. Въ одномъ многочисленномъ собраніи въ Москвѣ, въ январѣ 1858 года, гдѣ много и съ жаромъ говорилось о способахъ разрѣшенія только что возбужденнаго тогда крестьянскаго вопроса, къ Фету подошелъ Катковъ и съ одушевленіемъ сказалъ ему: «Вотъ бы вамъ вашимъ перомъ иллюстрировать это событіе». «Я», вспоминалъ впослѣдствіи Фетъ, — «не отвѣчалъ ни слова, не чувствуя въ себѣ никакихъ силъ иллюстрировать какія бы то ни было событія. Я никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо, помимо красоты». Фетъ не разъ высказывалъ свои мысли объ отношеніи поэзіи къ обстоятельствамъ времени. Онъ полагалъ, что художникъ, избирая предметомъ своего творчества

вѣковѣчныя явленія міра внутренняго или внѣшняго, не рискуетъ, что ихъ не узнаютъ въ его произведеніи; напротивъ того, съ не установившимися историческими образами, тѣмъ болѣе съ предметами современными, бѣда самому первоклассному поэту. Извѣстное стихотвореніе Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа...

восхищало Фета своимъ поэтическимъ достоинствомъ, независимо отъ мысли, которая можетъ быть въ немъ угадана. Оцѣнивая эти двѣнадцать строкъ со своей точки зрѣнія, Фетъ находилъ, что онѣ были бы современными и за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ, какъ, вѣроятно, останутся таковыми же еще на не опредѣленное время. Уже на склонѣ лѣтъ, привѣтствуя посѣтившую его музу, Фетъ говорилъ:

Пришла и сѣла. Счàстливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ;
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Не посвященныхъ я къ тебѣ не звалъ,
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не осквернялъ.

Все то же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, не зримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

Какъ Шиллеровъ пѣвецъ при раздѣлѣ міра, нашъ поэтъ взялъ на свою долю частицу неба — идеальное созерцаніе жизни, лирическое къ ней отношеніе.

Лиризмъ — естественная, и надобно прибавить, исключительная сфера творчества Фета, ибо, по его собственному признанію, лиризмъ есть «цвѣтъ и вершина жизни». И какъ бы ни казался порою тѣсенъ поэтическій кругозоръ Фета,—по силѣ лирическаго воодушевленія немного найдется поэтовъ ему равныхъ. Корень тому — въ его глубокой и въ то же время дѣтски-наивной впечатлительности, въ неподдѣльной искренности и скрытой горячности его чувства. «Кто не въ состояніи броситься съ седьмого этажа внизъ головой, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху, тотъ—не лирикъ». Какъ ни поразителенъ самъ по себѣ этотъ парадоксъ, онъ не совсѣмъ страненъ подъ перомъ Фета. Слѣпая, безумная отвага и дерзость, по его понятію, присущи лирику, но въ художественномъ созданіи онѣ обуздываются тончайшимъ чувствомъ мѣры. Сочетаніе этихъ противоположностей характеризуетъ яркую изобразительность въ поэзіи самого Фета и въ то же время объясняетъ причудливость его фантазіи.

Фетъ любилъ называть свои стихотворенія пѣснями; поэзію онъ считалъ не только родственною съ музыкой, но и нераздѣльною отъ нея: въ моментъ творчества душа поэта приходитъ въ музыкальное настроеніе, онъ поетъ, и самый строй его риомъ не зависитъ отъ его произвола, а является въ силу необходимости. Я чувствую, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ о веснѣ,—

что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что̀ буду
Пѣть, но пѣсня зрѣетъ!..

Трудно лучше, чѣмъ этими словами, выразить непосредственность Фетовскаго лиризма, въ которомъ мелодія почти опережаетъ вольное, крылатое слово.

О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

жалуется онъ въ другомъ стихотвореніи, подавленный прозою будничной жизни. Но сила поэтическаго дарованія въ томъ и

состоитъ, чтобы душа высказывалась въ словѣ. Фетъ въ высокой степени обладалъ этимъ даромъ выраженія чувства.

Какъ настоящій лирикъ, онъ — по преимуществу созерцатель и мечтатель. Мысль и чувство, образъ и музыка стиха живутъ у него безраздѣльно. «Нѣтъ въ мірѣ предмета», говоритъ онъ, — «безъ соотвѣтственной ему идеи въ душѣ человѣка, нѣтъ перспективы безъ озаряющаго ее свѣта, нѣтъ поэтическаго созерцанія безъ поэтической мысли». Эту таинственную связь видимаго міра съ внутреннею жизнью души Фетъ угадываетъ поразительно чутко. Отсюда — его глубокое сочувствіе природѣ, почти подчиненіе ея властной силѣ, напоминающее суевѣрное чувство древняго человѣка. Фетъ любитъ природу, какъ дитя свою мать; но ея растительную жизнь онъ умѣетъ наблюдать съ зоркостью проницательнаго художника; и наблюдаетъ онъ природу не столько въ ея грозныхъ знаменіяхъ, сколько въ обыденныхъ явленіяхъ — въ мирной тишинѣ зимы, въ шумномъ весеннемъ разцвѣтѣ, въ замираніяхъ вечерняго свѣта, въ переливахъ ночного мрака. Если исключить Тютчева, ни у кого изъ нашихъ поэтовъ нѣтъ такого обилія въ картинахъ природы, и никто, быть можетъ, не потратилъ столько роскоши и пестроты красокъ на ея изображеніе. Фетъ былъ уроженцемъ южной Великороссіи, и именно природу этой великорусской украйны, черноземной земледѣльческой полосы, видимъ мы въ его стихахъ. Правда, иныя изъ его картинъ слишкомъ причудливы или туманны, но никогда не являются онѣ только описаніями. Набрасывая черты реальнаго міра, Фетъ въ то же время уловляетъ тѣ мимолетныя впечатлѣнія, которыя эти явленія производятъ на душу человѣка. Живописецъ не въ состояніи будетъ передать поэтическіе образы Фета на полотнѣ, но въ душѣ читателя они вызовутъ то же настроеніе, изъ котораго они возникли въ фантазіи самого поэта. Въ одной изъ повѣстей Тургенева очень тонко передано впечатлѣніе, производимое поэтическими картинами Фета. Помните ли вы, пишетъ герой Тургенева къ знакомой ему молодой дѣвушкѣ — «помните вы, какъ однажды мы (четверо гуляющихъ),

стоя на дорогѣ, увидѣли облачко розовой пыли, поднятой легкимъ вѣтромъ противъ заходящаго солнца? «Облакомъ волнистымъ», начали вы, и мы всѣ тотчасъ притихли и стали слушать:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ въ дали....
Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли.
Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ....
Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!

«Вы замолкли.... Мы такъ и вздрогнули всѣ, какъ будто дуновеніе любви промчалось по нашимъ сердцамъ, и каждаго изъ насъ — я въ томъ увѣренъ — неотразимо потянуло въ даль, въ ту неизвѣстную даль, гдѣ призракъ блаженства встаетъ и манитъ среди тумана».

Конечно, Тургеневъ примѣнилъ Фетовскій мотивъ къ своей темѣ; пусть даже воображеніе романиста нѣсколько дополнило легкій набросокъ поэта; но сущность впечатлѣнія схвачена все-таки вѣрно. Пѣсни Фета, съ ихъ теплотою чувства, съ ихъ томною мечтательностью, облеченною въ пестрые, не всегда отчетливые образы, дѣйствительно способны возбуждать въ читателѣ это мирное, свѣтлое, нѣсколько грустное чувство; можно забыть и стихи піесы, и подробности ея содержанія, впрочемъ обыкновенно несложнаго, но вынесенное впечатлѣніе надолго остается въ душѣ, какъ въ слухѣ — впечатлѣніе внезапно раздавшагося и постепенно замершаго звука. Въ искусствѣ производить этотъ особый родъ поэтическаго впечатлѣнія Фетъ имѣлъ у насъ только одного предшественника, тоже поэта-мечтателя, автора «Эоловой арфы».

Какъ во взглядѣ на природу есть у Фета оттѣнокъ античнаго воззрѣнія, такъ и въ изображеніи человѣческихъ чувствъ. Древній ваятель представилъ могучаго Геркулеса отдыхающимъ послѣ тяжелаго подвига, который требовалъ напряженія физи-

ческой силы; такъ и поэзія Фета избѣгаетъ изображать страсти въ моментъ сильной нравственной борьбы. Она знаетъ сердечное влеченіе лишь въ его робкомъ, первичномъ видѣ, или напротивъ того, въ пору пережитого страданія, какъ свѣтлое воспоминаніе о невозвратно минувшемъ счастіи. Въ этомъ выборѣ для изображенія моментовъ любви нашъ поэтъ рѣзко отличается отъ Пушкина и Лермонтова, поэтовъ страсти кипучей, трагической, и опять сближается съ Жуковскимъ, при той однако разницѣ, что у Жуковскаго больше сосредоточенности въ самомъ чувствѣ, тогда какъ у Фета ярче краски и образы.

Вообще говоря, русская поэзія мало повліяла на Фета; гораздо больше онъ обязанъ своимъ развитіемъ Гёте, какъ лирику, и римскимъ поэтамъ, которыхъ онъ любилъ переводить. Отъ нихъ Фетъ унаслѣдовалъ воззрѣнія на искусство и отчасти пріемы творчества. Быть можетъ, слѣдуетъ пожалѣть, что онъ не научился у нихъ большей строгости въ своемъ художественномъ трудѣ и потому нерѣдко оставался только импровизаторомъ. Но не отъ своихъ учителей взялъ онъ силу лиризма: это — его неотъемлемая собственность.

Обыкновенно называютъ поэзію нашего лирика проникнутою чувствомъ свѣтлой радости. Такое опредѣленіе едва ли справедливо; по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ признать его одностороннимъ. Правда, въ поэзіи Фета не слышно звуковъ негодованія и озлобленія, — за то ей далеко не чужды звуки глубокой скорби, душевнаго страданія отъ житейскихъ невзгодъ. Какъ для всякаго чуткаго сердцемъ человѣка нѣтъ радости безъ печали, такъ и въ поэзіи Фета свѣтлое чувство соединяется съ горькимъ въ свободномъ гармоническомъ сочетаніи; эта-то примирительная гармонія, вызывающая, по выраженію поэта, «плѣнительные сны на яву», и даетъ его поэзіи нравственный, гуманный смыслъ:

На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страшную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки!